

Жизнь в духе

Движение философской мысли можно мерить и количеством печатных листов ученых трудов, и числом выпускников философских факультетов, и численностью различных конференций и симпозиумов, и величиной учебных часов лекционного материала, — всем тем, что входит в официальную отчетность философской жизни общества. Но есть непредвиденные, неожиданные и неподдающиеся учету события, без которых теряет смысл само существование философии, ее присутствие в мире — это яркие интеллектуальные вспышки в жизни философского сообщества, не подвластные ни идеологическим сумеркам, ни официальному признанию заслуг. Манифестацией такого неординарного философского события была в Киеве, а точнее, в духовном пространстве СССР, деятельность Марии Львовны Златиной.

Мария Львовна воплотила в себе лучшие черты студентов знаменитого МИФЛИ (Московского института философии, литературы, истории) — последнего поколения молодых людей, испытавшего иску искренней, глубокой, творческой и честной веры в идеалы марксизма, в благородную коммунистическую утопию, которой спекулировала советская власть. Мифлильцы верили, что наша страна является экспериментальным полем человечества в его творении счастливого будущего. Эта вера помогала им уберечь юношеский энтузиазм от ужасов сталинского режима и мутной волны мещанства, поднятой еще со времен НЭПа. За эту веру многие молодые энтузиасты отдали свои жизни в борьбе с фашизмом.

Израненной и чудом выжившей в горниле войны оказалась в числе немногих студентов и аспирантов МГУ Мария Львовна Златина. Но и ситуация учебы в аспирантуре МГУ, а далее — преподавательской деятельности в КГУ стала не менее суровым испытанием. Она требовала ответственного, глубокого и нелегкого выбора философских ориентиров.

Конец 40-х и начало 50-х годов в стране были временем откровенной травли интеллигенции, проходившей под лозунгом борьбы с космополитизмом, национализмом и формализмом за пресловутую идейность и партийность культуры. Заведующий кафедрой диалектического материализма МГУ профессор З.Я.Белецкий на извечный вопрос “Что есть истина?”, указав на Кремль, воскликнул: “Вот истина!” Согласно библейской традиции, он перевел проблему с того, что есть истина, на вопрос “кто есть истина”. Это и была философская программа, на которую по официальным требованиям должны были ориентироваться молодые аспиранты. Выбор Марии Львовны в этих условиях был знаменательным и исполненным научной честности. Из всего живого, что оставил Кремль в учении Маркса и Энгельса, она взяла главное — душу марксизма, творческую диалектику, а “тело” его, изваянное представлениями о диктатуре пролетариата, классовом насилии и государстве, предоставила карикатурной евхаристии официальных доктринеров ленинизма, превративших в пищу тоталитарной власти максимы революционной теории и кровь самих революционеров.

Мрачной была обстановка в конце 40-х годов и в КГУ. Уже другой заведующий кафедрой диалектического материализма в Киевском университете, профессор Ф.Ф.Еневич мечтал о введении курса по новой, “высшей фазе” развития ленинизма — по сталинизму. И хотя, не без помощи Златиной, удалось придержать попытку обскуранта сделать тайное явным в

тенденциях советской пропаганды, она, эта пропаганда фактически сводила на нет философскую культуру в образовании. Я, как студент философского факультета КГУ тех лет, могу свидетельствовать, что проблема тогда сводилась даже не к отстаиванию тех или иных положений, а к сохранению достоинства и подлинности самой философии, философской профессии как таковой. И первым борцом за выживание философии в Киеве в конце 40-х годов нашего столетия была М.Л.Злотина.

Мы привыкли говорить о работе философа с точки зрения его научной продукции и лекций. Все это можно констатировать, отмечая и высокую результативность деятельности Марии Львовны Злотиной. Но к достоинствам ее творчества как педагога и ученого следует добавить еще то, что она защищала честь и достоинство своей профессии. А это можно сказать далеко не о каждом философе тоталитарной эпохи. Тем более, что отстаивание подлинности философии и философской культуры в те годы было небезопасно. Это вызывало ненависть и неприкрытую злобу философских обскурантов. Ей, однако, противостояла глубокая, неспровоцированная и неподдельная любовь студентов к Марии Львовне, как и всех слушателей на кафедре повышения квалификации преподавателей общественных наук, на которой Мария Львовна преподавала в 60–80-е годы.

Я искренне удивлялся, как на общесоюзных конференциях Мария Львовна привлекала дружественное внимание практически всех философов крупных городов СССР в значительно большей мере, нежели многие, известные своими трудами и званиями деятели философской науки. На примере деятельности М.Л.Злотиной я впервые понял, что преподавание философии — это не только передача неких идей или ознакомление с результатами научного творчества лектора, но и трансляция личности, без которой эти идеи выглядят нежизненно.

Мария Львовна Злотина была личностью выдающейся. Она жила философией и для философии. Она не просто знала диалектику, она умела творчески диалектично мыслить — ярко, блестяще, остроумно и парадоксально. Ее характеристики, замечания, остроумные и сатирические, нередко оборачивались формулами этического сознания киевского философского сообщества. Вспоминается такой случай. При обсуждении в КГУ книги П.В.Копнина “Введение в марксистскую гносеологию”, где в общем-то отстаивались традиционные диалектические соображения о диалектике субъекта и объекта, профессор Ф.Ф.Еневич с изобличающим пафосом восклицал: “Как может объект переходить в субъект, а субъект — в объект! Могу ли я перейти в дерево кафедры, с которой говорю?” И в повисшей паузе выразительно прозвучал голос Марии Львовны: “Вы — можете!” Это была уже не шутка и не сарказм. Это был приговор нашей научной общественности консервативным позициям деятеля сталинской эпохи.

Следует отметить, что Мария Львовна Злотина могла в, казалось бы, традиционной проблематике находить нетрадиционные решения, превращая традиционное в революционное (в первоначальном значении этого слова). Она отвергала сталинское упрощение диалектики и шла путем ее модернизации в творческом ключе. Творческий дух диалектического метода в СССР, как правило, развивался (соответственно предначертаниям В.И.Ленина) через освоение гегелевского наследия (Э.Ильенков, В.Шинкарук, Ж.Абдильдин и др.). Не отрицая эвристичности этого пути, Мария

Львовна раскрывала социальную диалектику, реализовывала творческий потенциал марксистского метода через анализ социально-политической реальности своего времени. А это требовало критического подхода к пониманию диалектики. Она, например, не универсализировала творческую роль противоречий как таковых, а указывала на возможность негативной и даже тормозящей роли некоторых противоречий.

М.Л.Злотина выделяла креативность, движущее начало только тех противоречий, которые возникают в результате взаимопроникновения и взаимоперехода противоположностей. С этой точки зрения, она проделала огромную работу по диалектико-критическому анализу социальной реальности, ложно окрещенной “эпохой развитого социализма”. И хотя эта работа по разным, в том числе и политическим, мотивам не была отражена в печати, она проходила на глазах слушателей, учеников и друзей Марии Львовны. В этом смысле, Марию Львовну можно причислить к фундаторам социологической мысли в Киеве.

Выходя за рамки принятых оценок, в результатах творческого пути Марии Львовны хотелось бы подчеркнуть следующее. Она принадлежала к тому редчайшему типу людей, которые находят и реализуют смысловую составляющую жизни. И если смысл жизни состоит в том, чтобы реализовать свою личность, то Мария Львовна выполнила эту задачу в превосходной степени. А это значит, что она засвидетельствовала собой творческую суть бытия, дала ему сказаться в ней, через нее, заявить о себе: “Я есмь сущее” . И потому Мария Львовна Злотина безусловно принадлежит не прошедшему, а предстоящему.

СЕРГЕЙ КРЫМСКИЙ,
*доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
отдела логики и методологии науки
Института философии НАН Украины*

Памяти учителя

У меня был — за много лет общения с Марией Львовной Злотиной — всего один конфликт, или, точнее, единственное недоразумение с ней. Да и недоразумением это назвать трудно — я абсолютно не ожидал такой ее болезненной реакции на мои слова и оценки, а Мария Львовна надеялась на другое восприятие результатов своего многолетнего труда. Случилось это весной 1969 года, когда М.Л.Злотина защищала докторскую диссертацию. Я, ее бывший студент, выступал на защите как официальный оппонент, и неожиданно оказалось, что мой оппонентский отзыв чем-то сильно задел ее за живое. Когда я об этом узнал, то бросился улаживать дело; в конце концов оказалось, что серьезных расхождений между нами нет, просто мы по-разному оцениваем, скажем так, итоги и перспективы развития марксизма.